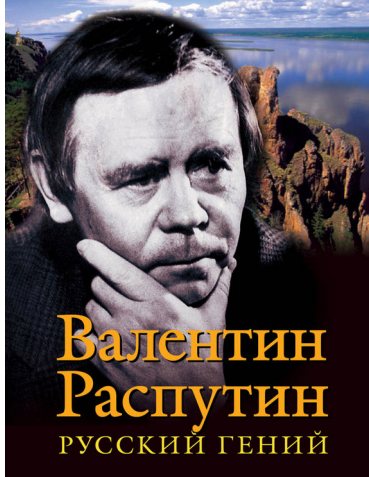

РУССКОЙ СЛАВЫ ИМЕНА

НЕЛЛИ ГОРЕСЛАВСКАЯ
ВИКТОР ЧЕРНОВ

**Валентин
Распутин**
РУССКИЙ ГЕНИЙ

**Нелли Борисовна Гореславская
Виктор Чернов
Валентин Распутин. Русский гений
Серия «Русской славы имена»**

PDF предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17069330

*Нелли Гореславская, Виктор Чернов. Валентин Распутин. Русский гений.: Книжный мир; М; 2013
ISBN 978-5-8041-0587-8*

Аннотация

5 марта 2012 года великому русскому писателю, общественному деятелю Валентину Григорьевичу Распутину исполнилось 75 лет! О своей любви к России В. Г. Распутин убедительно свидетельствует своим служением искусству, мудрым словом и добрым делом.

Президент России Владимир Путин, поздравляя юбиляра, сказал: «Вас знают как яркого, самобытного писателя, признанного Мастера современной отечественной литературы. Все Ваши произведения проникнуты искренней, глубокой любовью к людям, к родной земле, ее истории, традициям. Эти книги, ставшие классикой, в полной мере отражают Вашу жизненную, гражданскую позицию и высоко оценены читателями – и в России, и далеко за ее пределами».

Книга известных писателей, биографов, членов Союза писателей России Нелли Гореславской и Виктора Чернова позволяет познакомиться с жизнью и творчеством автора, воспитывает любовь к великой русской литературе и истории, формирует чувство патриотизма.

Содержание

Жить по совести	5
Пророк в своем Отечестве	21
«Певец крестьянской Атлантиды»	26
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Нелли Гореславская, Виктор Чернов Валентин Распутин. Русский гений

© Н. Гореславская, 2013

© В. Чернов, 2013

© Книжный мир, 2013

ЖИТЬ ПО СОВЕСТИ

*Лицом к лицу
Лица не увидеть.
Большое видится на расстоянии.
Когда кипит морская гладь,
Корабль в плачевном состоянии.
Земля – корабль!*

Сергей Есенин

В одном из своих интервью Валентин Григорьевич Распутин сказал: «Земля – последнее, что у нас еще есть... Нет ничего дороже для человека, чем земля и вода. Где бы мы ни родились и ни выросли, мы приходим из того и от того, что дает нам своя родная вода и земля. Во всем – в облике, речи, привычках и так далее. Любовь к песне, стиху, душа наша – все от нашей земли».

И сам Валентин Григорьевич – лучшее подтверждение этих слов. Он – плоть от плоти Русской земли и душа его – от земли нашей. Видимо, потому и болит она неумной болью в каждой строчке его произведений, что связана тысячами крепчайших нитей со своей Родиной и со своим народом. «Ах, как трудно и почетно быть на Руси писателем! Настоящим. Ему всегда и всех больнее. Он от веку обречен на мучения и подвиг духа, на совесть, взыскующую добра, на вечное стремление к идеалу. И, сжигая себя в муках творчества, в борьбе со словом и за слово, он обречен страдать больше всех и за всех, живущих на земле», – сказал о Распутине Виктор Астафьев.

Валентин Распутин

«Литература – это летопись народа, народописание», – говорит сам писатель. Этому народописанию, летописи русского народа В. Г. Распутин посвятил всю свою жизнь. Мы глядим в его книги как в зеркало, всматриваясь в свои черты, стараясь понять, что потеряли и какими стали. «Кажется, он написал все свои книги для того, чтобы мы взгляделись в то, что было. То, что называлось русским человеком», – сказал о творчестве Распутина литературный критик Валентин Курбатов.

В 2012 году Валентину Григорьевичу исполнилось 75 лет. Сам писатель, как настоящий русский человек, скромн: «Сделано-то немного. Ведь за те годы, что я работал, можно было и в пять, и в десять раз больше сделать. Наверное, я буду еще писать прозу. Но хочется говорить покороче и главное».

Однако с момента начала его творческой деятельности прошло достаточно лет, чтобы мы могли понять, какое огромное значение его книги и даже просто его присутствие рядом с нами имеют для всех нас – для тех, кто любит Россию, кто, смеем надеяться, не попал под «увольнение», которое выписал «русским по паспорту» Валентин Григорьевич:

«Достоевский говорил: «Русский человек – православный человек». Раньше я видел тут какую-то нарочитость, позже стал относиться к этому иначе.

Особенно теперь, когда столько русских погибает с дури – не зная себя, не помня себя и не веря в себя. И может, никогда так и не побывав русскими. Ну записали им национальность, поставили печать в паспорте. А кроме этого они ведь ничем себя не показали русскими людьми.

Сейчас пришло время показывать лучшие качества русского человека: умение работать, умение постоять за себя, понимать, что происходит в стране, и защитить, когда требуется, свою Родину. Это первые качества русских. Если они ими не обладают – я все-таки увольняю таких людей.

Нам нельзя жить с закрытыми глазами. Русские должны хорошо понимать, какая сила выступает сейчас против России во всем мире и что можно ожидать от своих «друзей», которые могут оказаться опаснее врагов.»

Сейчас, когда наш общий корабль – Русская земля – находится «в плачевном состоянии», остается только сокрушаться, что

*Их мало, с опытной душой,
Кто крепким в качке оставался.*

И один из устоявших в качке всеобщего разброда и шатания двух последних десятилетий – Валентин Григорьевич Распутин. Он из тех людей, которые, по словам А. И. Солженицына, произвели на рубеже 70-х годов XX века «беззвучный переворот без мятежа, без тени диссидентского вызова»:

«Ничего не свергая и не взрывая декларативно, большая группа писателей стала писать так, как если б никакого «соцреализма» не было объявлено и диктовано, – нейтрализуя его немо, стала писать в простоте, без какого-либо угождения, каждения советскому режиму, как забыв о нём... Первый среди них – Валентин Распутин».

15 марта 1937 года в семье молодого работника райпотребсоюза из районного поселка Усть-Уда, расположенного на берегу Ангары на полпути между Иркутском и Братском, родился сын. Валентин Григорьевич Распутин рассказывал:

«Родился я в трехстах километрах от Иркутска, в Усть-Уде, что на Ангаре. Так что я – коренной сибиряк, или, как у нас говорят, тутошний. Отец мой крестьянствовал, работал в леспромхозе, служил и воевал... Словом, был как все. Мать работала, была домохозяйкой, едва-едва управлялась с делами и семьей, – ей забот, сколько помню, всегда хватало» («Вопросы литературы», 1976, № 9).

Вскоре семья переехала в деревню Аталанку. Отец¹ заведовал почтовым отделением, мать² работала в сберкассе. Это место навсегда осталось в памяти писателя, поселилось в его сердце и стало прообразом многих и многих сибирских сел, появлявшихся на страницах его произведений – «Прощание с Матёрой», «Последний срок», «Живи и помни» – иногда почти под своим собственным именем: Атановка.

Мощь и простор сибирской природы, потрясающее чувство восторга, вызванное ею, стали той материковой плитой, на которой выросла почва распутинской прозы, столь поражающая нас и своими проникновенными описаниями и Сибири – тайги, Ангары и, конечно, Байкала, – и людей, ее населяющих, прототипами которых стали жители Аталанки и других сибирских сел.

Река, прообразом которой была Ангара, и как символ, и как реальный географический объект, стала для В. Распутина главным атрибутом его произведений. «Я верю, что и в моем писательском деле она сыграла не последнюю роль: когда-то в неотмеченную минуту вышел я к Ангаре и обомлел – и от вошедшей в меня красоты обомлел, а также от явившегося из нее сознательного и материального чувства Родины», – вспоминал он.

¹ Распутин Григорий Никитич (1913–1974).

² Распутина Нина Ивановна (1911–1995).

Односельчане, окружавшие писателя в детстве, сыграли не меньшую, чем природа, роль в формировании мировоззрения Распутина, его убеждений, взглядов, характера.

О том, что за «среда» окружала ребенка и воздействовала на его душу, свидетельствует такой эпизод, о котором рассказывает сам Распутин: «Отец работал начальником почты, случилась нехватка. Он ехал на пароходе, чтобы платить какие-то переводы, пенсии и т. д. Выпил, видимо, прилично выпил, у него срезали сумку, где лежали деньги. Деньги небольшие, но тогда за эти небольшие деньги давали большие сроки. Отца забрали, а у нас дома – опись имущества. Какое имущество после войны? Лавки-табуретки. Но и это подлежало описанию и конфискации. Вся деревня унесла по своим избам всё, что у нас было, когда приехали описывать, описывать было совершенно нечего. Они что-то там написали и уехали. Потом деревня принесла нам даже больше, чем взяла. Вот какие были отношения. Выжили вместе, иначе не выжить было».

Так возникло понимание общины, общности, как первого и главного условия выживания не только отдельного человека, но и всего русского народа.

Начальное его детство совпало с Великой Отечественной войной. Жизнь стала трудной и полуголодной, характерной для миллионов подростков в послевоенной стране: «Мы жили вместе с бабушкой в одном доме, жили дружно, хоть и бедно. Была коровенка. Выручала тайга и река. Я дома не сидел. Если не в школе, то сразу же бегу или на реку, или в лес». «Труден был хлеб детства», – вспоминал писатель много лет спустя. Но трудное время давало не менее важные, чем школьные, уроки, основополагающие для творчества В. Распутина. По словам писателя, «это было время крайнего проявления людской общности, когда люди против больших и малых бед держались вместе». Те взаимоотношения людей, которые он наблюдал в детстве, определяют в дальнейшем то, как ставит и разрешает писатель нравственные и социальные вопросы в своих произведениях.

В первый класс Аталанской начальной школы мальчик пришел в 1944 году. Война не помешала Распутину отлично учиться в школе и – читать, читать, читать. Он читал все, что попадало в руки: книги, журналы, газеты. Чтение стало с тех пор и навсегда образом жизни, работой над собой, соучастием, сотрудничеством в том деле, которое вершит автор: «Читатель сам должен участвовать в событиях, иметь к ним свое отношение и даже место в них, чувствовать прилив крови от уважения. Культура чтения тоже существует, но не все ею владеют». Русская классика – Толстой, Достоевский, Бунин, Лесков, Тютчев, Фет – была преобразована им в душе и на ее основе синтезировано то неподражаемое распутинское Слово, которое стало символом современной русской литературы.

В 1948 году Распутин «...перешёл в пятый класс». Но это было непросто: Аталанская школа была четырехлетней, и чтобы продолжить образование, ребенку пришлось отправиться в Усть-Уду, за пятьдесят километров от родного дома. Ездить в такую даль каждый день на занятия было невозможно и не на чем. Но учиться хотелось. Как напишет потом В. Распутин, «до того никто из нашей деревни в районе не учился. Я был первым». К тому времени будущий писатель стал не только самым грамотным учеником в школе, но и человеком в деревне – к нему часто обращались односельчане за помощью.

Было принято решение: перебираться в Усть-Уду, жить там, вдали от семьи, одному. Дальнейшее описано в рассказе «Уроки французского». Мать, Нина Ивановна, договорилась со знакомой в райцентре, что ее сын будет жить у нее. Накануне 1 сентября 1948 года на Подкаменной улице Усть-Уды из грузовика-полупортки вылез мальчик с большим узлом, в котором была свернута постель. Шофер дядя Ваня похлопал его по плечу, простился и сел за руль. Грузовик укатил. «Так, в одиннадцать лет, началась моя самостоятельная жизнь. Голод в тот год ещё не отпустил...», – пишет Распутин.

Раз в неделю из дома передавали хлеб и картошку, которые кончались каждый раз неожиданно быстро. Есть хотелось всегда. А приходилось учиться, и учиться отлично, иначе он не умел: «Что мне оставалось? – затем я сюда и приехал, другого дела у меня здесь не было... Едва ли осмелился бы я пойти в школу, останься у меня не выученным хоть один урок». Вот только иностранный язык не давался, «говорил по-французски на манер наших деревенских скороговорок», – сокрушался писатель впоследствии.

Усть-Удинскую среднюю школу В. Распутин закончил в 1954 году, в его аттестате были только пятерки. В том же году, успешно сдав вступительные экзамены, стал студентом первого курса историко-филологического факультета Иркутского Государственного университета.

Мыслей о писательском поприще еще не было, и Распутин-студент, готовясь стать педагогом, много учился и много читал.

Тут, в Иркутске, уже осознанно проявилась его любовь к малой Родине, к реке, на берегах которой вырос. Потом, в очерке «Вниз и вверх по течению», Распутин опишет, как в студенческие годы не раз добирался домой из Иркутска на пароходе, шел по родной Ангаре, и все те четыреста километров, что отделяли его дом от столицы Восточной Сибири, наслаждался душой: «Эти поездки всякий раз были для него праздником, о котором он начинал мечтать еще с зимы и к которому готовился со всей возможной тщательностью: копил деньги, выкраивая рубли из тощенькой стипендии, нарочно оставлял нечитанной самую лучшую, по слухам среди своего брата студента, книгу, подправлял как мог свою амуницию».

Жилось молодому студенту вдаль от дома нелегко, но, заботясь о близких, сам зарабатывал деньги. И тут помогли увлечение чтением и хорошее знание литературы: Распутин стал писать статьи для радио и иркутской газеты «Советская молодежь».

30 марта 1957 года в ней появилась первая публикация Валентина Распутина – «Скучать совсем некогда». С этого момента журналистика на долгие годы стала его призванием. В «Советской молодежи» печатаются его статьи о студенческой жизни, о пионерах, о школе, работе милиции. Иногда Распутин подписывается псевдонимом «Р. Валентинов» или «В. Каирский», но чаще публикует работы под своим именем. Еще до окончания университета он был принят в штат газеты. Туда же пришел работать и будущий драматург Александр Вампилов, с которым В. Распутина связали близкие дружеские и творческие отношения.

Постепенно Распутин все больше и больше увлекается художественной прозой: «От фактографического очерка я переходил к рассказу; к увиденному и услышанному журналистом я стал как бы добавлять «от себя». Во мне словно проснулось авторское «Я».

Как результат, в 1961 году в альманахе «Ангара» (№ 1) появился первый рассказ Валентина Распутина «Я забыл спросить у Лешки...». Рассказ начинался как очерк после одной из поездок Распутина в леспромхоз. Но, как мы узнаем затем от самого писателя, «очерк не получился – получился рассказ. Его сюжет соответствовал романтике восторженных 60-х, когда ждали построения коммунизма не позднее чем через двадцать лет.

О нем, грядущем коммунистическом обществе, размышляют герои рассказа, сопровождая своего приятеля, в больницу. На лесоповале упавшая сосна случайно задела парнишку, Лешку. Поначалу ушиб казался незначительным, но вскоре возникла боль, ушибленное место – живот – почернело. Двое друзей решили сопровождать Лешку до больницы – полсотни километров пешком. В пути ему стало хуже, он бредил, и друзья видели, что это уже не шутки, им стало не до отвлеченных разговоров о коммунизме, которые вели они до этого, ибо они поняли, глядя на муки товарища, что «это игра в прятки со смертью, когда ищет смерть и нет ни одного надежного места, куда можно было бы спрятаться. Вернее, такое место есть – это больница, но до нее далеко, еще очень далеко».

Главный герой умер на глазах у друзей. И тут начинается преображение привычной для советской литературы героики в размышления о том, что станет затем самым главным в произведениях писателя: о жизни и смерти, о том, что останется после нас на земле, и что там, за последней чертой, когда выйдет последний срок. Размышления о справедливости, памяти, судьбе: «Я неожиданно вспомнил о том, что еще забыл спросить Лешку, будут ли знать при коммунизме о тех, чьи имена не вписаны на зданиях заводов и электростанций, кто так навсегда и остался незаметным. Мне во что бы то ни стало захотелось узнать, вспомнят ли при коммунизме о Лешке, который жил на свете немногим больше семнадцати лет и строил его всего два с половиной месяца».

В первой половине 60-х годов В. Распутин работает редактором литературно-драматических передач Иркутской студии телевидения, литсотрудником газеты «Красноярский рабочий», спецкором газеты «Красноярский комсомолец», пишет рассказы и очерки о молодых участниках великих строек Сибири.

В 1965 году произошло событие, определившее будущее молодого писателя: он принимает участие в Читинском зональном семинаре начинающих писателей, в числе руководителей которого были В. Астафьев, А. Иванов, А. Коптяева, В. Липатов, С. Наровчатов, В. Чивилихин. Здесь же состоялось его знакомство с В. Чивилихиным, которого Распутин считает своим «крестным отцом в литературе». В. Чивилихин не только отметил талант Распутина, но даже передал по телефону в «Комсомольскую правду» его рассказ «Ветер ищет тебя».

В 1966 году вышли сразу две книги В. Распутина: в Красноярске сборник очерков «Костровые новых городов», а в Иркутске – сборник очерков и рассказов «Край возле самого неба».

Очерки Распутина, поначалу проникнутые соцреализмом и комсомольской романтикой шестидесятых, постепенно меняют настрой, в них проникают лирические мотивы, начинает превалировать интерес к внутреннему миру человека. Народ – строитель коммунизма, покоритель «дикой природы», все чаще уступает в них место отдельной личности, а комсомольский задор – реальным будням.

Фактографичность и документальность сменяется философскими размышлениями о жизни и смерти, уходит тема преобразования природы и появляются мысли о вечном, о том, что жизнь не кончается смертью. Мысли эти, облеченные в образы, соответствующие советским идеологическим установкам, между тем весьма ясно видны в творчестве В. Распутина того периода. В очерке «Возвращение» (1965), например, воскресает герой Великой Отечественной войны Александр Матросов, пришедший на помощь «строителям коммунизма», возводящим город Дивногорск.

В это же время появляются в творчестве Распутина столь характерные для него впоследствии образы «мудрых старух» – в сборнике «Край возле самого неба», в рассказах о тофаларах, небольшом племени, живущем в Саянских горах («Продолжение песни следует», «Эх, старуха»). И здесь же впервые Распутин обращался к мифу, фольклору, к миру ушедших, используя в своих рассказах поверья, заклинания, воссоздавая разговоры живых и мертвых.

Все чаще его героями становятся внешне простые люди с отнюдь непростым внутренним миром («В Саяны приезжают с рюкзаками»). Таким людям трудно понять, почему люди воюют («Продолжение песни следует»), откуда берется разобщение природы и человека («От солнца до солнца»), для них самым важным в жизни является духовное общение («На снегу остаются следы»).

Главная героиня рассказа «И десять могил в тайге», старуха-тофаларка которая «четырнадцать раз рожала, четырнадцать раз платила за муки кровью, у неё было четырнадцать детей – своих, родных, маленьких, больших, мальчиков и девочек, парней и девок. Где твои четырнадцать детей?... Двое из них остались в живых... двое из них лежат на деревенском кладбище... десять из них разбросаны по саянской тайге растащили звери их кости». Уж все о них и позабыли – сколько лет минуло; все, но не она, не мать; и вот она вспоминает каждого, пытается вызвать их голоса и раствориться в вечности: ведь пока кто-то хранит погибшего в своей памяти, не разорвется тонкая, призрачная, нить связующая эти разные миры воедино. Как только выдержало её сердце те смерти! Она вспоминает каждого: этот, четырёхлетний, упал со скалы на её глазах – как она тогда кричала! Этот двенадцатилетний, умер у юрты шамана оттого, что не было хлеба и соли; девочка замёрзла на льду; ещё одного придавило во время грозы кедром...»

Все они живы, потому что сохранились в её памяти, и, может быть, сама она живет именно потому, что «оставалась их матерью, вечной матерью, матерью, матерью». Жизнь ее детей продолжается в ее внуках, которых она называет именами умерших детей. Образ тофаларки сливается с другим образом, столь характерным для многих народов – образом Матери с большой буквы, Великой Матери, подательницы и охранительницы жизни на земле.

Другая героиня – шаманка из рассказа «Эх, старуха...», – в какой-то мере, прообраз старухи Анны из повести «Последний срок». Вообще, каждая такая героиня Распутина – соединительное звено в цепи человеческих поколений. Старуха-шаманка «выполнила свой человеческий долг... её род продолжался и будет продолжаться; она в этой цепи была надёжным звеном, к которому прикреплялись другие звенья». Но она несчастна – несчастна потому, что боится: ее шаманство, которое для нее уже и не ремесло вовсе, а часть традиции, без которой не будет ее племени, может умереть вместе с ней. Ее мучит перед смертью мысль о том, что она не сможет передать свой дар дальше: «Человек, заканчивающий свой род, несчастен. Но человек, который похитил у своего народа его старинное достояние и унёс его с собой в землю, никому ничего не сказав, – как назвать этого человека?..»

Все больше авторского видно в творчестве Распутина, все сильнее заметен отход от публицистичности к художественной литературе и психологизму («Края возле самого неба», «Человеке с этого света», «Мама куда-то ушла»).

В 1967 году опубликован его рассказ «Василий и Василиса», посвященный трагедии отчуждения двух людей. Эта история была воссоздана с удивительным тактом и осторожностью, психологической тонкостью и достоверностью. Сквозь грустную историю разрушения семьи просвечивала в отдельных деталях история послевоенной жизни русской деревни.

В 1967 году В. Распутин был принят в Союз писателей СССР.

Его статьи появляются в столичных и зарубежных изданиях, рассказы писателя публикуются в журналах «Паделью Яу Натне» (Рига), «Кобета рад зецка» (Польша), «Тарибине матерс» (Вильнюс), «Младеж» (София), «Культура» (Варшава) и др.

В том же году в альманахе «Ангара» (№ 4) опубликована повесть «Деньги для Марии», которую сам Распутин считает началом самостоятельной творческой работы. В 1968 она появилась отдельным изданием с послесловием Ф. Кузнецова «Писатель родился». А в 1970 в журнале «Наш современник» (№ 7, 8) напечатана повесть Распутина «Последний срок», которая принесла широкую известность автору.

Очерковая повесть «Вниз и вверх по течению» (1972), во многом автобиографичная, герой которой – писатель Виктор – совершал паломничество из города к местам своего деревенского детства, была практически не замечена критикой, но стала решающей для формирования мировоззрения писателя. Впервые здесь звучат апокалиптические мотивы, во многом порожденные темой противостояния человека природе. С тех пор тема потопа – наказания за грех борьбы с матерью-природой – становится сквозной в творчестве Распутина.

В 1973 появляется в печати один из лучших рассказов Распутина – «Уроки французского», посвященный Анастасии Прокопьевне Копыловой, матери драматурга А. Вампилова. А в следующем году в журнале «Наш современник» (№ 10, 11) была напечатана повесть Распутина «Живи и помни» – одно из лучших произведений русской прозы второй половины XX века. Повесть о женщине (к женскому образу, образу матери и жены, писатель будет затем обращаться не раз) критиками была воспринята как повесть о дезертире. Внешнее и условное оказалось для них важнее внутреннего и главного.

Повесть «Прощание с Матёрой» (1976) стала апофеозом распутинского Откровения, в котором он предвидит и описывает конец не только одной сибирской деревни, но и гибель современной цивилизации, чье самоубийственное стремление к научно-техническому прогрессу обернется огнем и потопом.

В конце 1970-х – начале 1980-х Распутин обращается к публицистике («Поле Куликово», «Абстрактный голос», «Иркутск с нами» и др.) и рассказам. В журнале «Наш современник» (1982, № 7) напечатаны рассказы «Век живи – век люби», «Что передать вороне?», «Не могу-у...», «Наташа», открывающие новую страницу в творческой биографии Распутина. В отличие от ранних рассказов, в центре которых была судьба или отдельный эпизод биографии героя, новые «отличаются вниманием к тончайшим и таинственным движениям души, которая мечется в поиске гармонии с собой, миром, Вселенной». А. Адамович писал о них: «Новое, действительно новое здесь – подчеркнутое чувство реальности происходящего. Реальность страстно утверждаемой художником нашей человеческой неисчерпаемости... Человек в них – существо, себя самого удивляющее – глубинами, просторами, которые в нем сокрыты. И вдруг распахивается существо светоносное» («Литературная газета», 1982. 1 сент.). «Здесь новый уровень общения людей, – утверждал В. Крупин, – здесь душа с душою говорит» (Литературная Россия. 1983. № 1). В 1985 году опубликована философско-публицистическая повесть Распутин «Пожар», которая перекликается с «Прощанием с Матерой» своей апокалиптичностью.

В это же время Валентин Григорьевич стал одним из инициаторов кампании за спасение Байкала от стоков Байкальского целлюлозно-бумажного комбината, а затем активно

выступал против проекта поворота северных и сибирских рек (проект был отменен в июле 1987 году).

Валентин Распутин. 1981 г. Североморск

Долгое время В. Распутин не обращается к художественному творчеству, работает как очеркист и публицист. В конце 1980 – начале 1990-х появляются его очерки о Сибири («Байкал», «Вниз по Лене-реке»), размышления о «Слове о полку Игореве» («Диалог с Д. С. Лихачевым»), о Сергии Радонежском («Ближний свет издалека»), о религиозном расколе в России («Смысл давнего прошлого»), известное «Слово о патриотизме», статьи о творчестве В. Шукшина и А. Вампилова и др. В середине 1990-х в журнале «Москва» и «Наш современник» опубликованы новые рассказы писателя («В ту же землю...», «Женский разговор», «По-соседски», «В больнице», «Изба», «Видение» и др.).

Любимые герои Распутина – пожилые, совестливые люди – пытаются осмыслить новую жестокую реальность, которая представляется им страшной и трагической. Годы перестройки, рыночных отношений и безвременья сместили порог нравственных ценностей. Люди ищут и оценивают себя в непростом современном мире.

Валентин Григорьевич тоже оказался на распутье. Он пишет мало, потому что бывают времена, когда молчание художника тревожнее и созидательнее слова. В этом весь Распу-

тин, ведь он по-прежнему чрезвычайно требователен к себе. Особенно во времена, когда в «герои» выдвинулись новые русские буржуа, братки и олигархи.

В 1986 году Распутин был избран секретарем правления Союза писателей СССР и секретарем правления Союза писателей РСФСР.

С началом Перестройки В. Г. Распутин включился в широкую общественно-политическую деятельность.

В 1987 году вместе с В. И. Беловым и Ю. В. Бондаревым опубликовал в «Правде» письмо об опасности распространения рок-музыки. На съезде Всесоюзного общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИК) в начале 1988 года, осудил кампанию в прессе, направленную против Патриотического объединения «Память». В ноябре 1988 года В. Распутин подписал «Обращение» группы деятелей культуры национально-патриотической ориентации с призывом к созданию Товарищества русских художников (ТРХ) и в марте 1989 принял участие в его учредительном собрании.

В 1987 году писателю присвоено звание Героя Социалистического Труда, а в 1989 году В. Г. Распутин был избран народным депутатом СССР. Был членом Комитета Верховного Совета СССР по вопросам экологии и рационального использования природных ресурсов, членом Мандатной комиссии Съезда народных депутатов СССР.

На I Съезде народных депутатов СССР 6 июня 1989 года в связи с высказываниями прибалтийских депутатов, требовавших большей самостоятельности для своих республик, выступил с риторической угрозой, что из СССР может захотеть выйти Россия, которую затем недобросовестные журналисты пытались представить как, якобы, призыв к выходу РСФСР из Союза.

В октябре 1989 года принял участие в создании недолго просуществовавшего Клуба избирателей и депутатов «Россия», организованного депутатами консервативной ориентации в противовес Межрегиональной депутатской группе. На II Съезде народных депутатов СССР в декабре 1989 года голосовал против внесения в повестку дня вопроса об отмене статьи 6 Конституции, предусматривавшей руководящую роль КПСС.

В марте 1990 года, после избрания на III Съезде народных депутатов М. Горбачева Президентом СССР, Распутин был указом Президента назначен членом новоизбранного Прези-

дентского Совета СССР (оставался им до ноября 1990 года, когда Президентский Совет был распущен в связи с созданием Совета Безопасности, в который Распутина не включили).

Комментируя в позднейшей беседе с В. Бондаренко этот эпизод его жизни, В. Распутин заметил:

«Моё хождение во власть ничем не кончилось. Оно было совершенно напрасным... Со стыдом вспоминаю, зачем я туда пошел. Моё предчувствие меня обмануло. Мне казалось, что впереди еще годы борьбы, а оказалось, что до распада остались какие-то месяцы. Я был как бы бесплатным приложением, которому и говорить-то не давали».

Во время выборов Президента России в июне 1991 года был доверенным лицом Н. Рыжкова.

В. Г. Распутин занимал последовательную антилиберальную позицию, он подписал, в частности, антиперестроечное письмо с осуждением журнала «Огонёк» («Правда», 18.01.1989). Крылатой формулой контрперестройки стала процитированная В. Распутиным в выступлении на I Съезде народных депутатов СССР фраза П. А. Столыпина: «Вам нужны великие потрясения – нам нужна Великая Россия».

2 марта 1990 года в газете «Литературная Россия» было опубликовано «Письмо писателей России», адресованное Верховному Совету СССР, Верховному Совету РСФСР и ЦК КПСС, где, в частности, говорилось:

«В последние годы под знаменами объявленной «демократизации», строительства «правового государства», под лозунгами борьбы с «фашизмом и расизмом» в нашей стране разнуздались силы общественной дестабилизации, на передний край идеологической перестройки выдвинулись преемники откровенного расизма. Их прибежище – многомиллионные по тиражам периодические издания, теле- и радиоканалы, вещающие на всю страну. Происходит беспрецедентная во всей истории человечества массированная травля, шельмование и преследование представителей коренного населения страны, по существу объявляемого «вне закона» с точки зрения того мифического «правового государства», в котором, похоже, не будет места ни русскому, ни другим коренным народам России».

В. Г. Распутин был среди 74 литераторов, подписавших это обращение.

23 июля 1991 года в газете «Советская Россия» появилось обращение «Слово к народу», адресованное, в первую очередь, к армии. Впоследствии это обращение стали рассматривать как идеологическую платформу произошедшей через 27 дней после его опубликования, 19–21 августа 1991 года, попытки восстановить Советскую власть (так называемый Государственный комитет по чрезвычайному положению (ГКЧП)):

«Родина, страна наша, государство великое, данное нам в сбережение историей, природой, славными предками, гибнет, ломается, погружается во тьму и небытие. И эта гибель происходит при нашем молчании, попустительстве и согласии...

Что с нами сделалось, братья? Почему лукавые и велеречивые властители, умные и хитрые отступники, жадные и богатые стяжатели, издеваясь над нами, глумясь над нашими верованиями, пользуясь нашей наивностью, захватили власть, растаскивают богатства, отнимают у народа дома, заводы и земли, режут на части страну, ссорят нас и морочат, отлучают от прошлого, отстраняют от будущего – обрекают на жалкое прозябание в рабстве и подчинении у всемогущих соседей?.. Братья, поздно мы просыпаемся, поздно замечаем беду, когда дом наш уже горит с четырех углов, когда тушить его приходится не водой, а своими слезами и кровью. Неужели допустим вторично за этот век гражданский раздор и войну, снова кинем себя в жестокие, не нами запущенные жернова, где перетрутся кости народа, переломится стеновой хребет России?

...Сплотимся же, чтобы остановить цепную реакцию губительного распада государства, экономики, личности; чтобы содействовать укреплению советской власти, превращению ее в подлинно народную власть, а не в кормушку для алчущих нуворишей, готовых распродать все и вся ради своих ненасытных appetitov; чтобы не дать разбушеваться занимающемуся пожару межнациональной розни и гражданской войны».

Трое из двенадцати подписавших это обращение – Валентин Варенников, Василий Стародубцев и Александр Тизяков – проходили по делу ГКЧП. Среди подписавших обращение были Юрий Бондарев, Геннадий Зюганов, Александр Проханов. Среди подписавших письмо был и Валентин Распутин.

В феврале 1992 года на учредительной конференции Русского Национального Собора избран сопредседателем РНС (наряду с А. Стерлиговым и В. Федоровым). На первом Соборе (съезде) РНС переизбран сопредседателем (наряду со Стерлиговым, Г. Зюгановым и П. Романовым). В октябре 1992 года вошел в оргкомитет Фронта Национального Спасения (ФНС),

преобразованного 24 октября на учредительном Конгрессе в Политсовет ФНС. Вместе с Г. Зюгановым, А. Макашовым, А. Баркашовым и некоторыми другими членами Думы ФНС подписал Заявление, осуждавшее генерала А. Стерлигова за отказ присоединиться к ФНС. Тем не менее, в ноябре 1992 года В. Г. Распутин заочно был избран в сформированный Стерлиговым исполком РНС.

На президентских выборах 1996 В. Распутин поддерживал кандидатуру Г. Зюганова.

Валентин Распутин. 70 лет (Фото Бориса Дмитриева)

На учредительном съезде Народно-патриотического союза России (НПСР) 7 августа 1996 года Валентин Григорьевич был избран членом Координационного Совета и членом Президиума КС НПСР.

4 мая 2000 года В. Г. Распутину была вручена премия имени А. Солженицына. Александр Исаевич в своей речи, написанной по этому случаю, отметил характерные черты литературного творчества Распутина:

«...во всём написанном Распутин существует как бы не сам по себе, а в безраздельном слитии:

- с русской природой и
- с русским языком.

Природа у него – не цепь картин, не материал для метафор, – писатель натурально сжит с нею, пропитан ею как часть её. Он – не описывает природу, а говорит её голосом, передаёт её нутряно, тому множество примеров, здесь их не привести. Драгоценное качество, особенно для нас, всё более теряющих живительную связь с природой.

Подобно тому – и с языком. Распутин – не пользователь языка, а сам – живая непроизвольная струя языка. Он – не ищет слов, не подбирает их, – он льётся с ними в одном потоке. Объёмность его русского языка – редкая среди нынешних писателей. В «Словарь языкового расширения» я от Распутина не мог включить и сороковой части его ярких, метких слов».

И – «надо всем сказанным здесь мы не упустим и такие качества Валентина Распутина, как сосредоточенное углубление в суть вещей, чуткую совесть и ненавязчивое целомудрие, столь редкое в наши дни»³.

Десять лет спустя после появления обращения «Слово к народу», 14 августа 2001 года, «Советская Россия» опубликовала обращение «Остановить реформы смерти!», в котором «Слово к народу» называется «пророческим». В новом обращении, помимо критики либеральных реформ, содержались призывы к президенту Владимиру Путину и сотрудникам спецслужб избавляться от ельцинского окружения, перехватывая рычаги власти:

«Не питая иллюзий по поводу возможностей и внутренних установок президента Путина, мы тем не менее снова и снова побуждаем его сбросить с себя страшный груз ельцинизма, освободиться от ненавистного народу ельцинского окружения – этих волошиных, фридманов, абрамовичей, которые, как жернова, утягивают его в пучину бед. Призываем вырвать штурвал государства у дилетантов Кудрина, Грефа, загоняющих экономику в штопор. Пусть нанесет решительный удар по теневикам и мафиозным политикам, рассечёт олигархический узел, как это удалось ему в случае с Гусинским и Березовским. В этом решительном, достойном национального лидера деянии он сможет опереться на большинство народа, на его дееспособные, нравственные, патриотические силы... Работники спецслужб, «чекисты», которые вслед за Путиным пришли к управлению страной, внесли в политику государственную волю, бескорыстие, идею служения, задыхаются от гнилых ельцинских кадров, отравляющих институты государства. Они станут несомненными союзниками патриотов в «кадровой революции», в исцелении больного государства».

На съемках фильма «Река жизни».

Обращение «Остановить реформы смерти!» подписали 43 человека, в том числе лауреат Нобелевской премии Жорес Алфёров, писатель Юрий Бондарев, главный редактор газеты «День литературы» Владимир Бондаренко, ректор Литературного института Сергей Есин, член-корреспондент РАН Сергей Глазьев, народный артист России Николай Губенко, лидер КПРФ Геннадий Зюганов, председатель комитета Госдумы Анатолий Лукьянов, председатель комитета Госдумы Иван Мельников, генерал армии и бывший министр обороны,

³ Солженицын А. И. Слово при вручении премии Солженицына Валентину Распутину 4 мая 2000 г.

депутат Госдумы Игорь Родионов, летчик-космонавт, депутат Госдумы Светлана Савицкая, руководитель Агропромышленной депутатской группы Госдумы Николай Харитонов.

На съемках фильма «Река жизни»

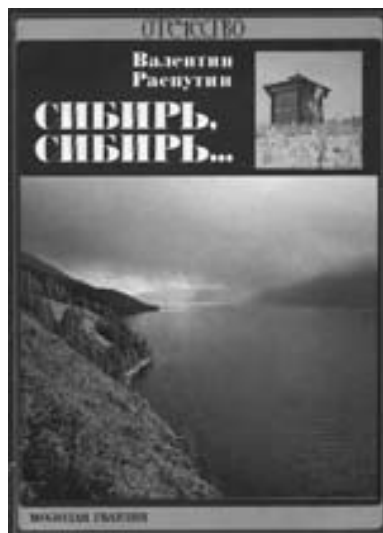
Среди подписавших обращение также был и Валентин Григорьевич Распутин.

В середине 2000-х годов В. Распутин пишет ряд произведений, из которых наиболее заметной стала повесть «Дочь Ивана, мать Ивана» («Наш современник», 2003, № 11), в центре которой образ сильной русской женщины – Тамары Ивановны Воротниковой, вынужденной волею обстоятельств взять в руки отцовский обрез и застрелить насильника своей несовершеннолетней дочери.

Писатель все больше обращается в своем творчестве к вопросам национальных отношений, патриотизма, православной веры.

26 июля 2010 Валентин Григорьевич Распутин входит в Патриарший совет по культуре Русской православной церкви.

15 марта 2012 года страна отметила 75-летие Валентина Григорьевича. Владимир Путин поздравил в телефонном разговоре великого русского писателя с юбилеем, а в тексте поздравительной телеграммы, также направленной в адрес юбиляра, в частности, говорилось: «Вас знают как яркого, самобытного писателя, признанного Мастера современной отечественной литературы. Все Ваши произведения проникнуты искренней, глубокой любовью к людям, к родной земле, ее истории, традициям. Эти книги, ставшие классикой, в полной мере отражают Вашу жизненную, гражданскую позицию и высоко оценены читателями – и в России, и далеко за ее пределами».

В телевизионном эфире прошел показ документальных фильмов о жизни и творчестве писателя. Телеканала «Россия–Культура» приурочил к его дню рождения показ документального фильма «Река жизни. Валентин Распутин» и художественных лент «Живи и помни», «Прощание», «Уроки французского».

Валентин Григорьевич – верный сын земли русской, защитник ее чести. Его талант сродни святому источнику, способному утолить жажду миллионов россиян.

Живя в единении с природой, писатель по-прежнему глубоко и искренне любит Россию и верит, что ее сил хватит для духовного возрождения нации.

О главном говорит каждое произведение Распутина. Его читают не только в России, но и во Франции, Испании, Китае... Альбом очерков «Сибирь, Сибирь» – самая читаемая русская книга в Америке. Валентина Распутина называют «неспокойной совестью российской деревни». А как жить не по совести, Валентин Распутин не знает и не хочет знать.

Пророк в своем Отечестве

«А что будет здесь через сто лет, на этой земле? Какие города будут стоять? Дома какие? Лица? Лица какие будут у людей? Нет, ты скажи мне, для чего живешь?» – такие вопросы задают герои знаменитой повести Распутина «Прощание с Матёрой», но за ними, конечно, виден сам автор, для которого вопрос и о будущем каждого человека, и о будущем всего человечества – один из важнейших.

Понимаем ли мы, что рядом с нами – живой классик, и, как всякий великий русский писатель, пророк, которому на роду написано «глаголом жечь сердца людей»?

О пророческом даре писателя говорят многие, знающие его. «Распутин из тех прозорливцев, которым приоткрываются слои бытия, не всем доступные, и не называемые им прямыми словами», – отмечал Александр Солженицын. «Распутин всегда был чуточку мистическим писателем», – писали критики.

Иногда его встречают на улице и спрашивают: «Скажите, что делать?»

И это не удивительно, если вспомнить, что именно Валентин Григорьевич более двадцати лет назад был одним из немногих, кто предвидел развал СССР и его трагические последствия.

«...сегодня вопрос: жива ли еще Россия, существует она в том народном теле и отеческом соборе, которые необходимо вкладывать в это понятие, – задавать такой вопрос уже не имеет смысла. Вчера имело, сегодня нет. Она пострадала больше, чем предсказывали самые мрачные прогнозы: как держава, носившая это имя, она на грани развала; как национальное образование в межнациональном единстве она тяжело поражена равнодушием к ней и ее непониманием, внутренними раздорами и эгоизмом; как божественный звук, заставлявший некогда каждого россиянина перекреститься, утрачена; как кладезь неисчислимых богатств – на девять десятых исчерпана; как духовная собирательница – защитница славянства – осмеяна и смещена... и на своих собственных землях не смеет она защитить русского... но обессиленная, разграбленная, захватанная грязными руками, обесславленная, проклинаемая, недопогибшая – все-таки жива.

Если схватились из-за нее опять так, что искры летят, значит, есть из-за чего схватываться. Сегодня она больше жива, чем в недавние времена своей изнурительной могущественности, потому что вынула из тайников национальные святыни, слабостью и отверженностью вызвала к себе сострадание и любовь, и против слетающих на нее с карканьем ворон начинают собираться отряды, готовые защитить Россию...»

Поражение России ведет к невероятным бедам не только для нее самой и для русского народа, но и для других народов СССР:

«...Союзу без России не быть, едва ли кто-нибудь в этом сомневается. Это она в течение нескольких столетий собирала народы и земли под свою опеку и власть, она дала имя державе и являлась стержнем ее хребтом. Она была тем, к чему крепилось ее сочленение, а не тем, что крепилось наряду с другими к чему-то совершенно отдельному. Когда организм здоров и все его части действуют четко и взаимосвязано, нам и в голову не приходит расставлять их по значимости, каждая друг перед другом и все вместе они равны и равно необходимы для нормального функционирования. Но от этого роль каждой части не может измениться или подмениться. И потому, если бы заблагорассудилось России выскользнуть из складывавшегося веками государственного телосложения, неминуемо развалилось бы все остальное.

Развал есть развал, никому он выгоды принести не может. Уже самое слово предупреждает о последствиях. Те межреспубликанские двоения и троения, которые способны появиться на обломках Союза, долго на свободном выпасе не продержатся, и вынуждены будут искать новое пристанище. Уйти просто на отруб, чтобы вести самостоятельное хозяйство, без хорошего запаса в кармане нынче не удастся. И ахнуть не успеют наши братья, как окажутся кто с Германией, с ее мощной экономикой, кто с Польшей, с ее мощным католическим духом, кто с Турцией или с Ираном...»

И у этой трагедии, прежде всего, духовные корни. Писатель видит причину всеобщего развала и разврата в «разорении души»:

«...Народ пошел в церковь от усталости и от отчаяния от внушенного ему официального суеверия. Душа дальше не выдержала идолопоклонства и беспутья. Россия медленно приходила в себя от наваждения, во время которого она буйно разоряла себя, и вспомнила дорогу в храм. Но вспомнить дорогу в храм – еще не значит пойти по ней; если бы Россия была верующей, то и тон наших размышлений о ней был бы иным. Она, быть может, только готовится к вере. Времена разорения души даром не прошли; проще восстановить разрушенный храм и начать службу, чем начать службу в прерванной душе. В ней нужно истечь собственному источнику, чтобы напитать молитву, которая, прося даров, могла бы поднести и от себя. Но то, что источники эти просекаются сквозь засуху, сомнений не вызывает, и запаздывают они лишь к страждущим, которые, страдая, не знают, чего хотят...»

А впереди маячит еще большая опасность – гибель не только большого Союза, но и самой России:

«Перекраивать сейчас государственные границы опасно как для тех, кто собирается оставить Союз, так и для их потенциальных усыновителей. Разделительные линии между республиками сплошь и рядом проводились в свое время где произвольно, не попадая в следы этнического прошлого, а где самовластно, не считаясь с этническим настоящим. В условиях братства, которое собиралось быть вечным и во имя которого внутренние границы вообще предполагалось в скором времени стереть, это особого значения не имело, но как только на братстве появились трещины, начались, как известно, и конфликты, доходящие до побоищ. Если дойдет до отделения – не миновать, во-первых, разногласий по поводу своей будущей судьбы разных народов в пределах одной республики, а во-вторых, и это самое страшное, не миновать территориальных притязаний соседей друг к другу.

Едва ли не каждая республика на межнациональной и межрегиональной основе способна превратиться в Ливан. Десятки миллионов россиян, осевших на окраинах при выполнении «братского долга», также не захотят оказаться, не сходя с места, на чужбине и потребуют заступничества. Несть числа будет взаимным обидам, притязаниям и счетам и несть числа будет жертвам и бедам, которые они за собой повлекут...

...России ...грозят те же самые беды. Она вся в швах, соединяющих национальные лоскуты, вся в языках и наречиях. Начавшийся на союзных окраинах зуд расчленительства и самости удержать на российских границах не удастся, он, как холера, перекинется на юг и север, в Поволжье и Сибирь. Дальнейшее можно не дорисовывать. Плакало тогда так и не раскрытое российское могущество, на многие счета разобьются ее немереные просторы, в прах пойдет великое наследство отцов и дедов. То, что не удалось ни одному завоевателю, ни одному хитрому, Россия в горячечном припадке разделов и споров свершит сама.»

Не секрет для писателя и то, кто поставил страну на грань развала. Бездуховность, атеизм, цинизм либеральной интеллигенции, расшатывающей общую лодку ради своих личных амбиций, привели к тому, что власть захватили уже откровенные уголовники и беспредельщики:

«...Радикальная интеллигенция в последнее время, кажется, начинает понимать необходимость поостыть – во имя собственного же спасения, но, во-первых, нутро, питающееся духом нигилизма, не пускает, а во-вторых, уже не ей принадлежит право выбора. Его перехватила вызванная ею сила из отечественного беспределья, которую и сами учителя вынуждены со страхом называть чернью. Она чернь и есть, но не по социальному положению, а по духовному крапивничеству, по авантюризму, деятельному злу и политическому мошенничеству. Ей любое море по колено, любая опасность нипочем. Уголовник, ставший «народным» избранником в органы власти и занявший кабинет своего судьи, – один ее образ; услужливый темным страстям и глумливый над моралью журналист – другой. Для культурной интервенции распахнуты все ворота...

Еще десятки лет назад звучали предупреждения (конечно, негласные) о последствиях массового подневолья, которое в условиях массового атеизма, без христианского чувства прощения грозит тяжкими плодами цинизма и злобы. Сегодня мы пожинаем их небывалым урожаем...»

Однако, считает Валентин Григорьевич, ситуация не безнадежна, возрождение России возможно – если будет национальная идея и национальная власть, которая сможет мобилизовать народ и повести его к освобождению:

«...Сегодня нет тайны в том, что считать за возрождение России, хотя и пытаются возрождение подменить перерождением: духовным, культурным и экономическим пленением. Отвалившись от давившего до беспродыха валуна власти, она как никогда близка к национальной мобилизации и выздоровлению. И от этой близости и досягаемости – как никогда далека. Едва поднявшись с колен, она обнаружила, что находится на узком гребне, по обе стороны от которого разверзаются пропасти. Влево скользнешь – голову сломишь, и вправо – себя не узнаешь. Завистники чужой жизни и запродажники, а также рвущиеся оседлать ее беси из нутра новой революционной интеллигенции, раскачивают Россию из стороны в сторону; каждое движение ее по гребню к спасительному расширению вызывает дружные возмущенные вопли. «Что-то будет» – этим встречает, нас каждое утро и провожает каждый вечер. Дойдет ли? Не оборвется ли всего в двух-трех шагах от желанной воли? А если оборвется и попадет в лапы цивилизованных шкуродеров – новой изнанки, нового вытаптывания и выламывания ей не выдержать. Тогда можно заказывать поминки».

Спасение России зависит от каждого из нас, убеждает писатель, мы должны измениться нравственно, духовно возродиться, чтобы возродилась страна:

«... Не чудес следует ждать от России, которые бы всех утешили и ублажили, неоткуда их взять ей, и великим даром само по себе надо считать, что она еще жива; как и она не может рассчитывать на скорое недеятельное чудо от нас, но больше всего она нуждается в нашем милосердии, в том, чтобы по крупице и капле принесли мы ей свою преданность, веру, любовь, труды, чистоту помыслов и чистоту жизни, разделили бы между собой ее страдания, поклонились бы за ее мученичество, встали крепкой защитой против бесов, истязующих ее плоть и дух... При определении своей судьбы нам надо не только отталкиваться от общего прошлого, но искать, на что мы можем опереться в будущем, – там впереди просматривается союз отечеств, ухоженных национальностей радением, и свободных настолько, сколько нужно свободы для неутеснения иного развития, под небом единого Отечества, свершающего справедливость, защиту и совет...»

Сказанное 20 лет назад не утратило актуальности и сейчас. Более того, ситуация стала во много раз хуже. «Новый мир», отнюдь не прекрасный, возникший после развала Советского Союза, о котором предупреждал Распутин, «...по-прежнему уничтожает Россию и ее корни – деревню... уничтожает не по-прежнему, а с удесытеренной силой, – говорит Валентин Григорьевич в интервью одной из иркутских газет. – Было время, когда деревни обновлялись, люди стали жить лучше. А теперь полный развал. И если этот новый хозяин придет, то станет сразу дворцы какие-нибудь строить... и будет покупать землю, если уже не покупает. А это самое страшное, и это нам еще предстоит. Наша земля очень лакомая, она будет скупаться буквально в ближайшие годы. И это последнее, что у нас еще есть... Нам нельзя жить с закрытыми глазами. Русские должны хорошо понимать, какая сила выступает сейчас против России во всем мире и что можно ожидать от своих «друзей», которые могут оказаться опаснее врагов».

«Наше Отечество корчится в муках. И вот что удивительно, хотя у него есть мудрые и деятельные сыны и дочери, но их дело не подхватывается так, как того требует все более острая и драматическая обстановка в России. Что мешает? Разобщение лучших людей России. Нам вредят амбиции, обиды, непереносимое отстаивание своей точки зрения, неумение слушать других, каждый хочет быть лидером... А сейчас главное – забыть все, что разъединяет, подавить любое недружелюбие, взяться тепло за руки и отводить Отечество от гибели. Нужна всеобщая миротворная жертва. Она более трудна, чем жертва на поле сражения. Но мы должны ориентировать русский народ на это.

Наши потомки будут жить лучше нас и наших предков при условии, что мы подготовим добротную почву...

Наш народ – добрейший народ. Он житейски мудр, трудолюбив, в нем есть тяга к святости. Но далеко не все русские были и есть верующие. Душу нашу «промазывали» долго и разными путями. Ее созревание прервали. Освободиться от безверия – этому надо помогать и литературой, и всей нашей православной культурой. Но и этого мало. Мы все должны стать национально-воспитанными, просвещенными и образованными. Надо поставить заслон невежеству, укрепить наш природный ум наукой...» (Восемь дней с Валентином Распутиным).

Но снова мало кто прислушался к словам пророка, болеющего за свое Отечество. Вера в Россию и в свой народ не оставляет Валентина Распутина никогда. Директор учебно-методического Центра этнонационального образования Российского государственного педагогического университета им. А. Герцена, создатель Всероссийского движения «Русская современная школа», профессор Иван Федорович Гончаров, участвовавший вместе с писателем в празднике русской духовности и культуры «Сияние России», ежегодно проводимом в Иркутске, вспоминает, как прощаясь с ним, Распутин произнес: «Конец нашей истории не близится. Мы просто переживаем чудовищный кризис... Преодолеем... Нам нужно вновь обрести

способность защищаться, надо расширять патриотическое поле. И пусть знают внутренние и внешние враги, что с русским народом шутки плохи. Ушла в небытие не одна «непобедимая» армия перед физической и духовной мощью народа-богатыря».

«Певец крестьянской Атлантиды»

Переоценить значение Валентина Григорьевича Распутина для русской литературы невозможно. Известнейший исследователь творчества В. Г. Распутина, Петр Петрович Каминский в своей книге «Время и бремя тревог: публицистика Валентина Распутина» писал:

«Валентин Григорьевич Распутин – одна из центральных фигур литературного процесса второй половины XX в. Как писал С. П. Залыгин, «Валентин Распутин вошел в нашу литературу сразу же, почти без разбега и как истинный мастер художественного слова, а повторять, что произведения его значительны, что, минуя их, сегодня уже нельзя серьезно рассуждать о нынешней русской и всей советской прозе, нет, очевидно, никакой необходимости». Третья по счету Солженицынская премия была присуждена именно В. Распутину, А. И. Солженицын связал с именем писателя тот переворот в литературе, который заключался в возрождении традиционной нравственности».

*Александр Исаевич вручает Валентину Григорьевичу уникальную папку лауреата.
(Фото Дениса Тамаровского)*

Действительно, в своей речи на вручении премии А. И. Солженицын высоко оценил творчество Валентина Григорьевича и его место в русской литературе, назвав его первым среди знаменитой плеяды известнейших писателей второй половины XX – начала XXI века:

«На рубеже 70-х и в 70-е годы в советской литературе произошёл не сразу замеченный, беззвучный переворот без мятежа, без тени диссидентского вызова. Ничего не свергая и не взрывая декларативно, большая группа писателей стала писать так, как если б никакого «соцреализма» не было объявлено и диктовано, – нейтрализуя его немо, стала писать в простоте, без какого-либо угождения, каждения советскому режиму, как бы позабыв о нём. В большой доле материал этих писателей был – деревенская жизнь, и сами они выходцы из деревни, от этого (а отчасти и от снисходительного самодовольства культурного круга, и не без зависти к удавшейся вдруг чистоте нового движения) эту группу стали звать деревенщиками. А правильно было бы назвать их нравственниками – ибо суть их литературного переворота была возрождение традиционной нравственности, а сокрушённая вымирающая деревня была лишь естественной, наглядной предметностью.

Едва ли не половину этой писательской группы мы теперь уже схоронили безвременно: Василия Шукшина, Александра Яшина, Бориса Можаева, Владимира Солоухина, Фёдора Абрамова, Георгия Семёнова. Но часть их ещё жива и ждёт нашей благодарной признательности. Первый среди них – Валентин Распутин».

Можно в чем-то соглашаться или не соглашаться с Александром Исаевичем в его оценке советской литературы в целом, но, без сомнения, Солженицын прав, когда указывает на узость понятия «деревенщики». Место действия всех перечисленных им писателей отнюдь не ограничивается деревней. Они – исследователи душ человеческих, того микрокосма, который является отражением окружающего мироздания, как проявления души Того, Кто неизмеримо выше всего, существующего в этом мире. И нравственность человеческой души определяется тем, насколько она соответствует идеалу, заложенному Творцом в сотворенное им бытие.

И деревня в творчестве «деревенщиков» – символ, та крупница божественного творения, которая еще сохранилась среди всемирного потопа пошлости и богооставленности. Год за годом все глубже и глубже погружается она в мутные воды этого потопа и вот к началу XXI века сохранилась уже только как смутный образ на страницах прекрасных русских книг – все захлестнул апокалиптический океан «нового мирового порядка», чей символ – доллар – заменил современному человеку и дух, и душу, и совесть.

У Александра Ивановича Куприна есть рассказ «Река жизни». Герой его, студент-самубийца размышляет перед смертью:

«Ах, я думаю, что ничто в мире не пропадает, – ничто! – не только сказанное, но и подуманное. Все наши дела, слова и мысли – это ручейки, тонкие подземные ключи. Мне кажется, я вижу, как они встречаются, сливаются в родники, просачиваются наверх, стекаются в речки – и вот уже мчатся бешено и широко в неодолимой Реке жизни. Река жизни – как это громадно! Все она смоет рано или поздно, снесет все твердыни, оковавшие свободу духа. И где была раньше отмель пошлости – там сделается величайшая глубина героизма. Вот сейчас она увлечет меня в непонятную, холодную даль, а может быть, не далее как через год она хлынет на весь этот огромный город, и потопит его, и унесет с собою не только его развалины, но и самое его имя!»

Этот обоюдоострый образ реки, которая с одной стороны – символ жизни, само мироздание, а с другой – апокалиптический поток, смывающий в бездну и самого студента, и всю его вселенную, каким-то странным образом перекликается с распутинской прозой, в которой Река стала больше чем символ, стала самым провидением, дающим благо и забирающим не только жизнь отдельного человека, но и то, что неизмеримо больше – его вселенную, землю, малую родину.

На берегу этой реки человек рождается, живет и умирает – часто в ее глубоких водах, как сделала это Настена из «Живи и помни».

В водах ее тонут не только люди, тонет гораздо большее: тонет их нынешний мир, тонет их прошлое. Островная Матёра, как Атлантида Нового времени, символично отправляется на дно реки вместе с гробами предков и не случайно перед погружением в воды потопа деревня сгорает в апокалиптическом пламени: воды библейского потопа были лишь прообразом последнего огня, в котором обновится земля. «И ниспал огонь с неба от Бога и пожрал их» (Откр. 20, 9), – пишет тайнозритель о грешниках последних времен, отступивших от завета с Богом.

В 1972 году появляется в печати почти не замеченная критикой очерковая повесть «Вниз и вверх по течению», герой которой – писатель Виктор – совершал паломничество из города к местам своего деревенского детства. В. Астафьев писал об авторе: «Завершив очень важный начальный этап в работе, он как бы отошел чуть в сторону, чтобы взглянуть на ту дорогу, какую он сам себе торил, да и поразмыслить о дальнейшей своей судьбе, стало быть, и о судьбе родной земли» (Роман-газета. 1978. № 7).

Повесть состоит из трех частей, взаимопереплетенных в повествовании. Одна в жанре путевого очерка рассказывает о нравах рабочих поселков, расположенных по берегам Ангары, другая посвящена лирическим воспоминаниям о детстве, о той поре, когда «жили бедно, но весело и дружно», об утраченной «малой родине», которая оказалась на дне Братского моря. В третьей части идет разговор о сложностях писательского ремесла, о неудовлетворенности начинающего художника, заглядывающего в бездны и тайны человеческой психики. Виктору снится свой персонаж, который осуждает его за попытку изобразить последние видения умирающего человека, ибо они непостижимы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.